

Проводив Сяо Циньцзы, что принёс весть, Чжун Цзыци на мгновение застыл на месте. На его губах мелькнула тёмная, почти угрюмая улыбка. Он уже собирался уйти, но, обернувшись, резко замер.

На него смотрели.

Пара глубоких, неподвижных глаз, не мигая, впилась в него. Лицо — без выражения, как гладкая маска, и ни единого намёка на мысли, скрытые за ним.

— Чжэнъань? Чжэнъань! Ты очнулся?!

Не заметив ничего странного, Чжун Цзыци бросился вперёд, схватил его за руку. Волнение захлестнуло его так резко, что глаза предательски защипало.

— У тебя ничего не болит? Не вставай, лежи!

Но Чжао Чжэнъань, сидящий на постели, не ответил. Он продолжал смотреть на него — всё так же пристально, всё так же молча, лишь слегка нахмутив брови.

И только тогда до Чжун Цзыци, запоздало, стало доходить: что-то не так.

Тот Чжэнъань, которого он знал — ранимый, избалованный, боявшийся боли — непременно бы уже жаловался, тянулся к нему, искал утешения. Но сейчас... сейчас перед ним был совсем другой человек.

Особенно глаза.

Да, именно глаза.

В них больше не было прежней прозрачной наивности. Теперь в глубине затаилась тень — густая, как тушь, почти непроглядная. Взгляд стал острым, изучающим... чужим.

Чжун Цзыци вздрогнул, и в голове вспыхнула догадка. Осторожно, словно боясь спугнуть хрупкую реальность, он спросил:

— Ты... пришёл в себя?

Чжао Чжэнъань не ответил — лишь едва заметно кивнул. В его взгляде мелькнуло что-то неуловимое, тёмное, будто скрытое под водой.

Но Чжун Цзыци этого не заметил.

Этот едва уловимый жест уже ошеломил его.

Чжао Чжэнъань... пришёл в себя.

Он в самом деле пришёл в себя.

Несмотря на травму головы, несмотря на то, что разум его был сломлен — даже лекарь говорил, что шансы почти равны нулю... и всё же...

Он вернулся.

И именно тогда, когда сам Чжун Цзыци наконец решился — решил, что готов остаться с ним,

жить вместе, начать всё заново...

Он вернулся.

В груди всё смешалось в болезненный узел. Чжун Цзыци невольно разжал пальцы, выпуская его руку — и не заметил, как брови Чжао Чжэнъаня нахмурились ещё сильнее.

Он поднялся, растерянный, не находя себе места:

— Ты... вспомнил всё? Свою прошлую жизнь?

— Мг, — коротко отозвался Чжао Чжэнъань.

Стало ещё более неловко.

— Тогда... тогда я... схожу за лекарем.

Не дожидаясь ответа, Чжун Цзыци поспешно вышел. Ему нужно было время — хоть немного, чтобы прийти в себя.

Чжао Чжэнъань крепко сдвинул брови и, не выдержав, глухо закашлялся пару раз.

На самом деле в его голове сейчас было даже больше хаоса, чем у Чжун Цзыци.

Воспоминания не складывались в цельную картину. Возможно, из-за того, что травма тянулась слишком долго — несколько месяцев. Одни фрагменты всплывали отчётливо, другие же ускользали, становясь то ясными, то расплывчатыми. Но была часть, которая отпечаталась в памяти с пугающей чёткостью.

То время, когда он был... не в себе.

Всё, что он делал, всех, кого встречал — он помнил до мелочей.

Например... Чжун Цзыци, который только что вышел.

Он знал, кто это.

Его муж.

Законный, с соблюдением всех обрядов.

Семью Чжун он, конечно, знал — жили в одной деревне. Но общались они редко, да и сам он большую часть времени пропадал на заработках, так что видел Чжун Цзыци считанные разы.

Зато в деревне многие мечтали породниться с этой семьёй. И причина была очевидна — всё крутилось вокруг Чжун Чжэнъаня. Тот был грамотным, умел читать и писать, поговаривали, что даже знаком с уездным начальником. Да и работа у него была завидная... достаточно взглянуть на их большой дом — зависть брала многих.

А раз уж до него не добраться напрямую, значит, оставался один путь — через его детей.

Чжао Чжэнъань тогда лишь усмехался. Его амо, Ван Цуйхуа, тоже когда-то подумывал об этом, но... не сложилось. У него уже был заключённый брак.

Договорённость о нём появилась несколько лет назад — с дальним родственником со стороны семьи Ван Цуйхуа. Тот жил в соседней деревне, совсем недалеко от Чжао.

Тот парень был самый обычный — ни внешностью не выделялся, ни достатком. Хотя помолвку устроил сам Ван Цуйхуа, Чжао Чжэнъань, познакомившись с ним, не стал возражать. Напротив — остался доволен.

Тот оказался мягким, внимательным, понимающим.

А он... он просто хотел, чтобы в доме было спокойно и тепло.

Если бы не случилось беды, через два года — то есть уже в этом году — парень достиг бы брачного возраста, и можно было бы сыграть свадьбу. Ради этого Чжао Чжэнъань и рвал жилы, зарабатывая деньги.

Но одна случайность перечеркнула всё.

И вместе с тем многое ему открыла.

На десятый день после несчастья семья того парня, увидев, что его не вылечить, без колебаний разорвала помолвку. Более того — почти сразу же сосватала его другому. Сам парень тоже приходил... один раз.

И смотрел на него с откровенным отвращением.

А потом были отец и амо.

Их поступки ранили ещё сильнее.

Оказалось, всё это время — вся их «забота» — была лишь притворством. Стоило исчезнуть деньгам — и его, не раздумывая, выставили за порог.

Разве можно было так?

С двенадцати лет, едва начав понимать жизнь, он продавал дрова, травы, брался за любую подённую работу, ходил в горы на охоту... Деньги, что он приносил, были вовсе не жалкими копейками.

И всё равно...

Они едва не выгнали его ни с чем.

Чжао Чжэнъань горько усмехнулся про себя.

Он думал, что если будет стараться, если будет зарабатывать — сможет их тронуть.

Как же он ошибался...

Ладно.

Теперь, когда они разделились, пусть будет так, будто он никогда и не был частью этой семьи. Он больше не обязан отдавать себя без остатка.

Больно?

Да.

Но это самый действенный способ.

Лучше короткая боль, чем бесконечная.

Некоторые надежды... просто не имеют права на существование.

Мысли сами собой вернулись к его неожиданно появившемуся мужу.

Черты лица Чжао Чжэнъаня невольно смягчились.

Красивый, мягкий, сдержанный... образованный, умеющий держаться в обществе и управляться с делами дома. И в торговле разбирается, и с трудными людьми справляться умеет — во всём на высоте.

Кто бы мог подумать — потеря обернётся таким приобретением.

И всё же...

Стоило вспомнить, как был заключён их брак, и сердце невольно сжалось.

Похоже, Чжун Цзыци вовсе не хотел этого союза.

И судя по его реакции, когда он узнал о его выздоровлении...

Он, кажется... совсем не рад.

Чжао Чжэнъань тяжело вздохнул.

Снаружи тем временем Чжун Цзыци, не поднимая головы, подошёл к старому лекарю, который вёл приём, и быстро сказал:

— Он очнулся. Пожалуйста, посмотрите его.

Старик коротко откликнулся и тут же поднялся, направляясь внутрь.

— Подождите...

Старый лекарь удивлённо обернулся.

Чжун Цзыци замялся, словно слова застряли у него в горле:

— Он... он... пришёл в себя.

Сначала лекарь не понял. Но стоило ему прокрутить услышанное в голове, как смысл дошёл — и он резко уставился на Чжун Цзыци, не веря своим ушам:

— В себя? То есть... вспомнил прошлое? Разум вернулся?

Чжун Цзыци молча кивнул.

Теперь уже настала очередь лекаря остолбенеть.

Врачи, как правило, не любят говорить слишком категорично — всегда оставляют хоть крошечный шанс. Когда-то, говоря о состоянии Чжао Чжэнъяня, он тоже упомянул возможность восстановления... но это были лишь слова утешения для близких. В глубине души он прекрасно знал: это почти невозможно.

Травма головы — и выжить уже удача. Потеря рассудка в таком случае — дело обычное.

За долгие годы практики он видел немало подобных случаев. Примеров — сколько угодно.

Но ни одного — с излечением.

Лекарь простоял, словно оглушённый, ещё несколько мгновений, а затем поспешно направился внутрь. В нём уже разгорелось почти болезненное желание — разобраться происходящее по косточкам, понять, докопаться до сути.

Как такое возможно?

Что это за чудо?..

Чжун Цзыци не пошёл за ним.

Словно потерянный, он вышел из лекарской лавки, растворился в людском потоке и, не разбирая дороги, пошёл по улице.

Мысли путались.

Он хотел привести их в порядок — но в то же время словно боялся этого. В груди росло глухое сопротивление. Да, он признавал: ему страшно.

И, возможно... он просто струсил.

Между ним и Чжао Чжэнъянем стояло то, что невозможно было игнорировать — их брак.

Брак, заключённый не по взаимному желанию.

Он сам ещё не успел с этим смириться... что уж говорить о Чжао Чжэнъяне?

Сможет ли тот принять его? Примириться с тем, что у него вдруг появился муж — вот так, без спроса, без выбора?

Хотя... развестись тоже вряд ли возможно.

В их мире разводы — редкость. Лишь если один из супругов совершит серьёзную провинность. И даже тогда — на человеке навсегда остаётся пятно, и найти нового спутника жизни почти невозможно.

Поэтому, рассуждая трезво, Чжун Цзыци понимал: это маловероятно.

Но если... если Чжао Чжэнъянь всё же захочет...

Он заставил себя не замечать болезненного укола в груди.

Тогда он... сможет отпустить.

В конечном счёте, всё сводилось к одному — Чжун Цзыци боялся.

Он не знал того Чжао Чжэнъяня, который теперь перед ним. Не понимал, каким тот станет, что будет думать, как поступит.

А ещё — будущее.

Туманное, непредсказуемое.

И от этого становилось ещё страшнее.

...Что ему теперь делать?

<http://bllate.org/book/16132/1609201>